

пьяница, прося в долг опохмелиться, он негодует на пьяницу, зовет ярыжных с батогами, ведет его на правеж или в тюрьму. Все это, как мы знаем, точные картины быта, и они, видимо, преобладают в памяти нашего автора, несколько оттесняя на второй план корчму, тускнеющую перед прелестями царского кабака.

Отмечая, что постоянными посетителями кабака были представители разных классов, автор показывает нам целую галерею портретов их, метко схватывая при этом профессиональные особенности каждого в перечне «даров», которые «со усердием сердца своего» несут в кабак и корчму клиенты. Перед нами проходят «поп и дьякон, чернцы, дьячки, мудрые философы, служилые люди, князе и бояре и воеводы, пушкар и солдаты, сабелники, лекари и обманщики, тати и разбойницы, холопи, женки, мужние жены, зернщики и костари и такальщики, ростовщики, скупщики, купцы, десятники и довотчики, пономари, повары, лесники, кузнецы». Одни пьют, другие грабят — и все вместе составляют живую картину кабацкого быта. Нельзя не заметить, что в этом перечне автор с особым вниманием останавливается на различии даров у представителей духовенства. О пьянстве его выше еще он дает очень резкий отзыв: «Мечюще одеяние свое, ходяще безирегани на корчму, друг ко другу глаголаху с похмелья попы и дьяконы, склад чиняху и на мед посылаху на ведро, глаголюще: пропьем однорядку темнозеленую да повесе имся, не пошадим кафтана зеленого, сорокоустными денгами откупимся. Сиде попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца с зубов одрать; черными сермягами оболчемся и у мужиков во брачинах изопьем и от попадей жюрбы убежим». Вспомним, что писали иностранцы о пьянстве русского духовенства: Олеарий рассказывает, как в Новгороде он видел «попа, шатавшегося пьяным на улице, только в одном кафтане или нижнем платье, верхний кафтан свой он, без сомнения, заложил в кабаке. Проходя мимо гостиницы, в которой я останавливался, он хотел, по обыкновению своему, благословить стрельцов, державших стражу; но в это время, когда он, простерши руку, несколько наклонился, голова у него отяжелела, и он упал прямо в грязь. Стрельцы подняли его на ноги, и он все-таки благословил их, хотя и вымаранными в грязи перстами. Так как подобные зрелища повторяются ежедневно, то никто из русских не обращает на это никакого внимания» (стр. 182—3). Описывая одежду священников, Олеарий отмечает особое значение их шапочки — скуфы: «Если кто ударит попа и при этом попадет по шапочке или сронит ее с головы священника на землю, тот подвергается большому взысканию и должен заплатить попу бесчестие. Но от этого попы не меньше получают побоев